

въ пятницу, а также потому, что и родители и сама великомученица Параскева, какъ пишется въ житіи угодницы, по пятницамъ хлѣба не вкушали, но постились и молились Господу Іисусу, вспоминая Его крестныя страданія за насъ грѣшныхъ. (Житія свят. 28-е окт.).

Изъ всего сказаннаго можете, слуш., сами уразумѣть, какъ несправедливы тѣ женщины, которыя говорятъ, что по пятницамъ прясть не слѣдуетъ, а иначе-де св. мученица строго накажетъ „своихъ оскорбителей“. Св. мученица Параскева никакого особеннаго отношенія къ пятницамъ не имѣетъ.

— „Да бабы-то только что не прядутъ по пятницамъ, а на рѣку ходятъ и другія работы справляютъ!“—замѣчаютъ сразу многіе.

— Очень радъ, что вы сами замѣчаете неправильности и противорѣчія, допускаемыя женщинами при празднованіи пятницъ. И въ самомъ дѣлѣ, не работать такъ не работать. А то прясть грѣшно, а молотить и жать можно? Гдѣ такой законъ написанъ?

Но еще болѣе нелѣпы и не разумны основанія, которыя приводятся авторомъ „Сна Богородицы“ для защиты необходимости празднованія 12-ти пятницъ. Разсмотримъ всѣ эти основанія по порядку; при этомъ будемъ дѣлать попутныя замѣчанія и относительно тѣхъ общій, которыя даются авторомъ за почитаніе пятницъ.

„Первая пятница—на первой недѣлѣ великаго поста: въ ту великую пятницу убилъ братъ брата, Каинъ Авеля. Кто оную постится, тотъ человѣкъ отъ наглои Смерти избавленъ будетъ“.

Выходитъ, по мнѣнію автора, что первая и самая великая пятница не та, въ которую пострадалъ за насъ Господь Іисусъ Христосъ, а въ которую Каинъ убилъ

брата Авеля. Съ другой стороны, откуда взялъ авторъ, что Авель былъ убитъ именно въ пятницу? Возьмите книгу Бытія, прочитайте рассказъ объ этомъ братоубійствѣ и вы увидите, что день братоубійства тамъ не указывается. Затѣмъ авторъ утверждаетъ, что пятница, въ которую воспоминается убійство Авеля, приходится на первой недѣлѣ великаго поста. Не думаетъ ли онъ, что великій постъ идетъ отъ самого Адама, а не учрежденъ апостолами, въ память сорокадневнаго поста Иисуса Христа. Наконецъ, что такое за „наглая смерть“, отъ которой избавленъ будетъ почитающій первую пятницу? И откуда онъ взялъ, что почитаніе пятницы спасаетъ отъ этой „наглая“ смерти? Конечно, все отъ собственнаго измышленія!..

„Вторая пятница предъ Благовѣщеніемъ Пресвятыя Богородицы... Кто оную постится, тотъ человѣкъ отъ не-пріятеля сохраненъ будетъ“. „Третья пятница на страшной (страстной?) недѣлѣ великаго поста... Кто оную постится, тотъ человѣкъ отъ напраснаго убійства сохраненъ будетъ“. „Четвертая пятница супротивъ Вознесенія Господа Нашего Иисуса Христа. Кто оную постится, тотъ отъ потопленія сохраненъ будетъ“. „Пятая пятница супротивъ Троицы Живоначальной... Кто оную постится, тотъ человѣкъ отъ муки вѣчныя, и отъ громоваго ударенія сохраненъ будетъ“. „Шестая пятница предъ рождествомъ св. пророка Іоанна Предтечи. Кто оную постится, тотъ человѣкъ напрасною смертію не умретъ“.

Сколько же неправдоподобнаго наговорилъ въ этихъ строкахъ авторъ! Но кромѣ того онъ утверждаетъ, будто тѣ свящ. событія, которыя празднуются за перечисленными имъ пятницами, именно: Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы, Вознесеніе Господне, Сожествіе Св. Духа на Апостоловъ, и рождество Іоанна Предтечи, всѣ случились

также по пятницамъ. Но про Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы и рождество Іоанна Предтечи, въ какой день совершились они, сказать ничего положительнаго нельзя; ибо нигдѣ о томъ не написано. Что же касается Вознесенія Господня и Сосшествія Св. Духа на Апостоловъ, то утверждать, что они совершились въ пятницу, значитъ говорить грубую ложь. Какъ извѣстно, Спаситель воскресъ въ первый день послѣ субботы, т. е. въ воскресенье по нашему. Высчитайте же для праздника Вознесенія Господня 40-й день послѣ перваго дня Пасхи и выйдетъ четвертъ, — въ этотъ день, какъ извѣстно, св. Церковь ежегодно и празднуетъ Вознесеніе; высчитайте 50-й день для св. Троицы и вы всегда получите воскресенье, въ какой день всегда и празднуется у насъ этотъ великій праздникъ... Говорить ли объ обѣщаніяхъ разныхъ наградъ за почитаніе пятницъ? Всѣ эти обѣщанія нелѣпы, ни на чемъ ни основаны, а иногда представляютъ простой наборъ словъ, лишенный всякой мысли (см. наприм. третью и пятую пятницъ).

„Седьмая пятница супротивъ Іліи пророка Божія: въ ту великую пятницу взять Ілія пророкъ на небеса. Кто оную постится, тотъ человекъ отъ трясавицъ и огневицъ сохраненъ будетъ“. Откуда узналъ авторъ, что св. Ілія пророкъ взять былъ на небо въ пятницу? Какое имѣютъ отношеніе къ седьмой пятницѣ трясавицы (лихорадки) и огневицы (горячки)? И почему тутъ помянуты эти болѣзни, а не другія напасти, въ родѣ: „громоваго ударенія“, „убійства напраснаго“ и под.? Замѣтимъ, между прочимъ, что Ильинская пятница, о которой идетъ рѣчь, пользуется у крестьянъ особымъ почетомъ; это пятница изъ пятницъ. „Ѣто въ эту пятницу работаетъ, говорятъ старушки, того грозой непременно убьетъ“. Не страшно ли это: „Ѣто въ

эту пятницу работаетъ, того убьетъ грозой“—зачто? Зато, что человѣкъ добрымъ и благословеннымъ отъ Бога трудомъ занимается? Ну, а кто не работаетъ, но пьянствуетъ и безчинствуетъ—тому и награды разныя? Что за неразуміе? Въ поясненіе сказаннаго невольно вспоминается мнѣ славная жизнь св. пророка Іліи, этого строгаго обличителя пороковъ и современнаго ему нечестія. А кого онъ обличалъ? Нечестиваго царя Ахаза съ его развратной женою, и также подданныхъ этого царя, уклонившихся въ нечестіе. Съ другой стороны, на кого пророкъ Божій призывалъ милость и благословеніе Господни? На домъ бѣдной, но трудолюбивой и сердобольной вдовы Сарептской... Пусть подумаютъ объ этомъ люди, не стыдящіеся утверждать, что „кто илиинскую пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ трясавицъ и огневицъ сохраненъ будетъ, а кто въ эту пятницу работаетъ, того непременно убьетъ грозой“!

„Осьмая пятница предъ Успеніемъ Пресвятыя Богородицы. Кто оную постится, тотъ человѣкъ отъ великаго искушенія сохраненъ будетъ“.

„Девятая пятница предъ днемъ святыхъ безсребренниковъ Козьмы и Даміана. Кто оную постится, тотъ человѣкъ отъ великихъ грѣховъ сохраненъ будетъ“. „Десятая пятница супротивъ Михаила Архангела. Кто оную постится, тотъ человѣкъ при смерти своей узритъ Божию Матерь во снѣ“. „Въ первуюнадесять пятницу родился Самъ Іисусъ Христосъ. Кто оную постится, тотъ человѣкъ, при смерти своей, узритъ Самого Господа нашего Іисуса Христа. Вторая надесять великая пятница: въ ту великую пятницу окрестился Самъ Іисусъ Христосъ. Кто оную постится, того человѣка написано имя будетъ у Самого Іисуса Христа въ книгахъ животныхъ, и отъ муки вѣчныя избавленъ будетъ“.

Смотрите, маленький списочекъ, въ 40—50 строкъ, а сколько въ немъ лжи и невѣжества! Откуда, напр. авторъ узналъ, что І. Христосъ родился и крестился въ пятницу? Умоляю васъ—не вѣрьте этимъ выдумкамъ *).

V.

Намъ осталось сказать нѣсколько словъ о заговорахъ и наговорахъ, помѣщенныхъ въ „Богородичномъ Снѣ“. Предполагая имѣть съ вами особое собесѣдованіе о примѣтахъ, заговорахъ, и наговорахъ, употребляющихся въ вашемъ быту, я на нынѣшній разъ ограничусь лишь тѣмъ, что приведу два—три примѣра заговоровъ и кратко скажу, какъ нужно смотрѣть на нихъ истинному послѣдователю Христову.

Вотъ, напримѣръ, заговоръ „отъ зубовъ“ (авторъ хотѣлъ должно быть, сказать: отъ зубной боли?) „Молодъ мѣсяцъ, стоишь ты на востокѣ; у тебя на востокѣ люди, у людей во рту зубы, ихъ не щиплетъ и не ноетъ; такъ бы у раба Божія (имя рекъ) не щипало и не ныло, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. Чего-чего не наговорилъ, чего не наплелъ тутъ авторъ „Сна Богородицы“? Къ чему тутъ мѣсяцъ молодой? И какіе у мѣсяца люди имѣются? И развѣ мѣсяцъ молодой стоитъ всегда на востокѣ? и т. д. все въ томъ же смѣшномъ и нелѣпомъ видѣ.

А вотъ заговоръ „отъ крови“ (отъ кровотеченія должно быть): „Летѣлъ воронъ чрезъ сине море, уронилъ рыбу нельгуду подъ бѣлы камень алатырь; въ этой рыбѣ нельгодѣ и ломота; утѣши рану раба Божія (имя рекъ); какъ той рыбѣ изъ камня необорачиваться, такъ-бы тудѣ и

*) Въ Епарх. Вѣдом. 1893 г. (№№ 21, 22 и 23) помѣщена особая статья о пятницѣ въ народномъ почитаніи. Ред.

щекотѣ не оборотиться всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ“. Этотъ заговоръ безтолковѣ даже предъидущаго. Къ чему тутъ воронъ? Къ чему сине море? Какая эта рыба нельгода? Что за камень алатырь? И если это дивная рыба никогда не вылезетъ изъ-подъ камня, то почему отъ того кровь-то должна остановиться?.. Глупости на каждомъ словѣ.

Но верхъ всякой нелѣпости представляетъ заговоръ отъ лихорадки. Вотъ онъ: „Святыми отцами „Сіяніемъ“ и „Сиханіемъ“ четыремъ евангелистамъ: Матвѣю, Маркѣ, Лукѣ и Іоанну явился столбъ огненный отъ земли и до неба и видѣ изъ онаго столба семь дѣвъ простоволосыхъ, вельми страшныхъ и ужасныхъ: первая — синяя, вторая — зеленая, третья — желтая, четвертая — аки левъ рыкая, пятая — красная, шестая — студеная, седьмая огненная, та бо есть всѣхъ ихъ злѣе, окояннѣе и проклятѣе. Св. отцы рекоша имъ: „что есть за дѣвы?“ И отвѣщаша имъ дѣвы: „Ирода царя дочери“. И вопросиша ихъ св. отцы: „Куда вы ходили и что вы творили?“ — Мы ходили въ міръ православный, рода христіанскаго мучити и трясти кости на нихъ, щетить тѣло ихъ и знобить, и самихъ ихъ мучити и трясти“. Св. отцы поймаша ихъ, били по хребту желѣзными прутіями и даша имъ по тысящи разъ, и заповѣда въ міръ не ходити и рода христіанскаго не мучити, а раба Божія (имя рекъ) не трясти всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ“. Вслѣдъ за этими словами, авторъ пишетъ: „въ городѣ Виолеемѣ, въ церкви Покрова, тамъ стоитъ гробница и въ этой гробницѣ лежитъ святая дѣвица, Христова помощница, а намъ грѣшнымъ заступница; заступи, помилуй и сохрани меня раба грѣшнаго (имя рекъ) отъ всѣхъ бѣдъ и напастей всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ“.

Что это такое, скажите мнѣ, какъ не бредъ сумасшедшаго человѣка—бредъ, въ которомъ нѣтъ капли здраваго смысла? Замѣчательно, что св. евангелисты и отцы церкви, по мнѣнію автора „Сна Богородицы“, могутъ расправляться съ разными лиходѣями рода человѣческаго, въ родѣ сказочныхъ семи дочерей Иродовыхъ, не только дубинами, по русскому деревенскому обычаю, но какими-то „железными прутіями“... Можетъ ли здравый смыслъ говорить такія ужасныя вещи? Можетъ ли здравый человѣкъ заучивать такой вздоръ и морочить имъ, въ видѣ вѣрнаго средства, довѣрчивыхъ людей?

Мы не будемъ дальше идти за невѣжественнымъ авторомъ „Сна Богородицы“. Это было бы и тяжело и излишне, такъ какъ всѣ заговоры написаны въ томъ же духѣ, т. е. также безграмотно, невѣжественно и глупо. И нужно ли говорить, послѣ всего этого, что вѣрить въ силу подобныхъ заговоровъ не только бесполезно, но рѣшительно грѣшно, грѣшно предъ Богомъ и стыдно предъ добрыми людьми. Отвѣйте мнѣ, по совѣсти, на слѣдующій вопросъ: что нужно вамъ дѣлать, если, допустимъ, съ вами приключилась лихорадка или зубная боль? При всякихъ болѣзняхъ, отвѣчу я за васъ, и тѣмъ болѣе, болѣзняхъ тяжелыхъ, серьезныхъ, христіанинъ долженъ употреблять два рода лѣченія: прежде всего онъ долженъ обратиться съ искренней молитвой къ Господу Богу, исповѣдаться чрезъ духовнаго отца своего грѣхи, мятущіе его душу, — ибо корень почти всѣхъ нашихъ болѣзней—грѣхи наши, — и освятить себя святыми таинствами причащенія Тѣла и Крови Христовыхъ и елеосвященія. А послѣ этого духовнаго врачеванія непременно слѣдуетъ обратиться къ врачу тѣлесному, т. е. къ доктору или фельдшеру, которые, какъ люди ученые и понимающіе твою болѣзнь, въ сто

разъ скорѣе могутъ оказать тебѣ помощь, чѣмъ невѣжественный сельскій знахарь, знающій одно только лѣкарство въ видѣ приведеннаго заговора, а другими словами, ничего незнающій и непонимающій. Не обращайтесь, сл., къ этимъ знахарямъ и не вѣрьте въ силу заговоровъ. Иначе вы оскорбите величіе Бога христіанскаго, унизите свое человѣческое достоинство, дадите силу и поддержите негоднаго человѣка—знахаря въ его шарлатанствѣ,—короче, покажете всѣмъ и каждому, что вы—люди суевѣрные.

— „А что-жъ, будто и не заговариваютъ крови?“—сказалъ одинъ изъ слушателей.

— „Я пробовалъ разъ“,—отвѣтилъ молодой парень.

— Ну и что же?—спрашиваю его.

— „Пустяковина! Ничего прямо не вышло!“...

— „Не говорите этого! слышался новый голосъ. Маѣ самому зубы заговорили.. Къ доктору ходилъ, не помогъ, а съѣздилъ къ бабушкѣ Акулинѣ (заговорщица, проживаетъ въ сосѣднемъ селѣ), какъ рукой сняло!“

— „Вѣрно! Бываетъ“,—и со всѣхъ сторонъ посыпалась цѣлая масса примѣровъ, гдѣ дѣйственность заговоровъ выставлялась несомнѣнною. Выждавъ, когда возбужденіе нѣсколько поулеглось, я сказалъ:

„Если жъ и бываетъ, что заговоры имѣютъ силу и болѣзнь, дѣйствительно, прекращается послѣ нихъ, то дѣлается такъ или потому, что, само собою, пришло время для этого, или вотъ почему: при болѣзняхъ много значить бодрое состояніе духа. И очень можетъ быть, что идущій къ заговорщику поднимается и укрѣпляется духомъ и настолько вѣритъ въ свое выздоровленіе, что эта увѣренность и пересиливаетъ его болѣзнь. А что здѣсь имѣютъ какое-либо значеніе заговоры, сами по себѣ,